

Из купцов в рудознатцы

В НАЧАЛЕ 1750-х годов, почувствовавший себя крепко, «верхотурский купец», «винной подрядчик», «питейных и прочих сборов откупщик» Максим Михайлович Походяшин решил заняться и горнозаводским делом. Походяшин и Алексей Власьевский просили Канцелярию Главного заводов правления передать им казенные Луказский медеплавильный и Ирбинский железоделательный заводы в Красноярском уезде. Выяснив же, что заводы «погнили и обветшали», компаньоны от них отказались, и, получив разрешение «на прииск руд» в Сибирской и Оренбургской губернии и найдя их, намеревались в 1754 году построить на реке Язагаш (в 200 верстах от Красноярска) новый медеплавильный завод.

На севере же родного Верхотурского уезда располагалась неведомая «Вогулия», естественной границей (для русских поселений) с которой уже сто лет служила река Ляля.

В 1752 году разночинец Григорий Никифорович Посников, имевший разрешение «еще от Верхотурской воеводской конторы», скитался «за отысканием слюды и точильного камня в Верхотурском ведомстве около реки Сосьвы и реки Ваграна», в глухомани, с редкими юртами семейств ясачных вогулов.

Почему слюда? Как же тогда петровская «Берг-привилегия», согласно которой: «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос и всяких красок потребных земли и камня»? Воля, конечно, давалась «всем и каждому», но государственный интерес также соблюдался: требовалось, уплатив пошлину, получить разрешение петербургской Берг-коллегии. Другое дело – слюда! Специальный императорский манифест от 30 сентября 1727 года «О вольном промыслу слюдою» гласил: «В промыслу слюды дать вольность, кто похочет, тот и промышляет, а особливо в Сибири на тот промысел отпускать посадских с пашпортами из магистратов или ратуш, а не от воевод, а разночинцов с воеводскими; и как у промыслов, так и в пути до городов никакого задержания и препятствия не чинить, и слюды отнюдь не отбирать». Конечно, и здесь власть, «милосердую к верным своим подданным», государственный интерес также оговаривало: «дабы оные, имея в таком промыслу свободу, сами пользовались, а платежом пошлин пополнение чинили».

Итак, коренной верхотурец Г. Н. Посников (Посниковы в XVII веке – верхотурские стрельцы, с 1698 – казаки, с 1721 – служивого сословия) с воеводским «пашпортом» летом 1752 года оказался «около реки Сосьвы и реки Ваграна».

По его собственному свидетельству: «И тогда наперву найдены мною собственными моими трудами и коштом по обе стороны реки Колонги два рудника железные; а реченный Походяшин, повладев, что мною те рудники отысканы и зазвав меня в дом

свой, просил меня, чтобы те рудники отдать ему и для строения завода место сыскать».

Куда было деваться Посникову, который не мог работать самостоятельно, не имея разрешения? Такое разрешение в марте 1753 года получил М. М. Походяшин и, наняв Посникова, в 1754 году снова отправил его на север. В следующие три года он нашел здесь еще 3 железных и 10 медных рудников, выбрал удобное для постройки завода место.

Но у Посникова появились сильные конкуренты, также верхотурцы, Степан Богомолов, Герасим Котельников, Василий Мелехин, Григорий Тавролов. Так, из пяти первых освидетельствованных рудопроявлений на Колонге четыре были открыты верхотурским мещанином Степаном Богомоловым и только одно – Посниковым.

Походяшин даже ввел систему выплат вознаграждений за находки. И они посыпались как из рога изобилия.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о заявках месторождений вогулами Силой Городковым, Федором Антипкиным, Матвеем Пяточкиным, Тимофеем Поносовым и другими. Видимо, и легенда о кумачном сарафане, за который якобы Походяшин выменял открытие первого медного месторождения, недалеко от истины. Известна склонность вогулов к красному цвету, а также – к спиртному, чем предприимчивый горнозаводчик пользовался: «По просьбе нашей даюцца нам, от него, Походяшина, безденежно хлебные припасы и на одежду разные потребности и мы, пользуясь от него такую довольностию... во всякое время находимся в ловлении разного зверя, а между тем и присматриваем рудные места и ему объявляем».

Месторождения искали и находили, как говорится, все кому не лень: Максим Платонов, Михаил Бренкин, Волков, Порфирий Ефремов, Иван Корякин, Федор Казанцев, Григорий Дранишников, Григорий Коновалов, Яков и Федот Жаркие (Денисовы), Федор Мелехин, Иван Огарев, Петр Полутов, Иван Попов, Григорий Корнильев, Тимофей Поносов, Корзников и другие.

Далеко не все находки имели промышленное значение, в том числе и посниковские. По иронии судьбы история не сохранила имен первооткрывателей крупнейших медных месторождений, долгое время разрабатываемых – Васильевского, Суходойского и Фроловского. Уже с конца XVIII века кочевала из ведомости в ведомость «о состоянии медных рудников» отписка: «найден до поступления заводов в казну, когда имянно и кем неизвестно». Академик-естествоиспытатель П. С. Паллас свидетельствовал о «вогульце-старике», «коего сыновьям надлежит приписать откровение самых лучших в сих странах руд».

А пока «города Верхотурья разночинец Григорий Никифоров сын Посников» работал у Походяшина и в 1757 году, посланный Походяшиным на реки Улс и Вишеру, «он по оным рекам ездил», отыскивая место для пристани, и нашел таковое при впадении в Улс речки Ямсы. Также Посников обнаружил 6 мест, где «в воде имеются камни, которые надлежит выломать, дабы от оных во время спроваживания с тягостями судам вредности последовать не могло». Из человеческого жилья здесь

были только юрты вогула Григория Губина с братом.

Лозоходцы в поисках рудных залежей (со старинной гравюры)

В 1759 году Посниковым «указано» 2 железных рудника на речке Оленьей и выбрано место под завод у впадения этой речки в Вагран. Походяшин променял это место барону А. С. Строганову на месторождения поблизости реки Павды, где впоследствии построил с купцом Ливенцовым железодельный завод.

Отправлял Походяшин Григория Посникова и поверенного Ивана Хлепетина на поиски серебра и золота.

Потом Посников расстался с Походяшиным. В советское время, опираясь на авторитет Н. К. Чупина, писали, что Походяшин обманул Посникова и не расплатился с ним за находки, и что только не придумывали о конце жизни легендарного рудознатца. По одной из версий, Посников «ушел в тайгу и сгинул».

Как нам теперь известно, из найденных Г. Н. Посниковым месторождений «благонадежным» оказалось лишь одно. Вряд ли Походяшин не рассчитался с Посниковым (рассчитывался же он с другими рудознатцами, а их, как оказалось, было много), но, видимо, размер платы не удовлетворил первооткрывателя.

Посников, конечно, не сгинул, хотя в тайгу, действительно, «ушел». В 1768 году стало известно, что на горе Кумбе он нашел... золото!

**Юрий ГУНГЕР, старший научный сотрудник
Краснотурьинского краеведческого музея.**

Гунгер, Ю. Из купцов в рудознатцы : [поиски на Северном Урале рудных месторождений верхотурским рудознатцем Григорием Никифоровичем Посниковым по разрешению от Максима Михайловича Походяшина] / Юрий Гунгер // Заря Урала. – 2012. – 15 марта (№ 29). – С. 7 : фот.